

Марат Аваз-Нурзеф

Моя Прекрасная Ника

Розма (роман-поэма)

Марат Аваз-Нурзеф

Моя Прекрасная Ника

<https://litres.ru/74013669>

SelfPub; 2026

Аннотация

Проживи Пушкин хотя бы до 50-ти, он бы поправил свою сентенцию – мальчишескую! – о том, что порывы любви плодотворны лишь юным сердцам. Внес бы коррективы, скорее всего, в прозе. Это сделано в настоящей книге. И автор признаётся, что принадлежит к тем 99-ти созидателям из 100, которые любят своим творением, как Нарцисс – своим отражением в воде.

Высокая любовь, неуловимость счастья, миграция, крушение СССР, мужчина, женщина, особые дети – всё это есть в данной роэме (романе-поэме).

Места действия: Узбекистан, Россия, Украина. Узловые годы: 1969, 1999, 2014.

Содержание

Часть	5
1	6
2	18
3	38
4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Марат Аваз-Нурзеф

Моя Прекрасная Ника

А.В. Самохина. По рождению – Подгорная. 14.01.1963, г. Гурьевск Кемеровской обл. – 08.02.2010, Санкт-Петербург. Замечательная актриса. Красивая, очаровательная, неотразимая женщина.

Глазами Ширин и Ника больше всего схожи с ней. Такие же искорки во взгляде при улыбке, хитроватые и ласкающие одновременно, такой же рот. Люди помнят Анну Владленовну. А любой пользователь интернета может взглянуть на её многочисленные фотографии в Сети.

Часть

I

. Август 1999-го

— Вы Фаренгейт Аскольдович? – спросила пассажирка с заднего сидения, перебравшись в его опустевшем Дамасе на кресло среднего ряда и подавая деньги за проезд.

Это было в конечном пункте маршрута, на *Светлане*. Так народ название магазина, работавшего здесь ещё в советскую эпоху, присвоил всей округе на въезде в город, где всегда располагалась автостанция, а в последующие времена появился и базар, и множество торговых точек, и заведения общественного питания, и *пятак* загородных таксистов.

— Да, – улыбнулся водитель, а в голове тут же мелькнула догадка, почему в дороге эта молодая красивая женщина нет-нет да встречалась с ним глазами в зеркале заднего вида, и всякий раз в её взгляде была какая-то заинтересованность: «А! Значит, знала меня раньше!». Но в следующий миг пришло недоумение: «Откуда ей известна моя давнишняя *партийная кличка*, которая уже сто лет нигде не звучала?!».

— А я – Ника, – улыбка придала её лицу выражение хитроватое, но не настораживающее собеседника, а напротив, ещё более притягивающее.

Он слегка шевельнул одной бровью и улыбнулся шире и приветливее. Это могло означать: «Ах, да! Сколько лет, сколько зим!». Или: «Очень приятно! То-то всю дорогу меня тянуло к вам!». Или: «Да, да! Ваше лицо очень знакомо!

Сейчас, сейчас вспомню, каким образом мы знаем друг друга!».

— Ну, конечно, вы меня не помните! – проговорила она с коротким, негромким смехом. – Вы можете довезти нас до Радуги? А то мы с вещами... Я доплачу. А по дороге ещё и напомним наше давнее знакомство.

Радуга – это опять-таки название магазина и округа.

— Хорошо, – он слегка кивнул головой. – А мальчик? Ваш брат? Племянник?

— Это мой сын. Его зовут Роман, Рома.

Подростку было лет 11-12, и потому в сознании мужчины промелькнула реакция: «Ранний брак».

– Можно я к вам пересяду? – продолжила она, видя, что водитель собрался завести машину. – Так будет удобнее разговаривать.

— Конечно.

Во взрослой жизни, начавшейся, пожалуй, после того, как он, студент-биофизик 3-курса Московского университета имени Ломоносова, женился неожиданно для всех (для себя – тоже), – во взрослой жизни он никогда и никакой женщине не отказывал в её просьбе. А симпатичной – тем более. Это – рыцарское, бескорыстное отношение к даме, то ли врожденное, то ли взращённое прочитанными и осмысленными произведениями классической литературы. А скорее всего, его восприятие женщины как существа, которую нужно оберегать и служить которой составляет честь для на-

стоящего мужчины, суть плоды, возросшие из семян, брошенных высоким искусством на природную почву, богатую и благодатную. И, конечно, имело значение общая атмосфера, в которой росли дети, родившиеся во второй половине 1940-х годов: честность, благородство, взаимовыручка, высокая значимость образования, знаний и труда, особенно производительного, искренняя вера в правильности пути, по которому идут Держава, строй и народ. Руль, Дамас, частный извоз – это его работа, способ добывания средств к существованию. Поэтому доплата – штука хорошая, но он и без неё довез бы женщину до дому, коли она просит. Впрочем, если в своей зрелости наш таксист был учтивым и сговорчивым по отношению к женщинам, то в детстве, отрочестве, юношестве и молодости он боготворил девочек и девушек своего окружения. Точнее, красивых. Тех, которые ему нравились. Ещё точнее, ту, которую любил на тот момент. Тайно, скрытно от всех, не называя своё чувство по имени даже для себя. Но – любил. А остальных – как будто и не существовало для него. Максимализм! Уж точно, врождённый. Который есть и будет в любом возрасте. Но во взрослой жизни сдерживаемый так называемыми приличиями, тактичностью, деликатностью, культурностью, опытом, необходимостью.

— Что же вы молчите, Фаренгейт Аскольдович? – спросила Ника, когда уже половина пути по центральной улице города осталась позади.

— Я просто думаю о том, что кто-то обещал мне что-то

рассказать, — улыбнулся он, взглянув на неё мельком и сразу же вернув своё внимание на дорогу.

— Вы помните пионерский лагерь в Пскенте? — она повернулась к нему вполоборота.

— В моей жизни был пионерлагерь в Пскенте, — отвечал тот, не отрывая взгляда от дороги.

Так, считает он, должен вести себя за рулем любой мало-мальски опытный шофёр. А то, что в фильмах водитель по полминуты смотрит не на дорогу, а на ту, что рядом, так на то оно и кино, чтобы гнать нелепицу, вздор, чушь, благоглупости и прочую ахинею. И крупные дорожно-транспортные происшествия — аварии пользуются особой любовью киноавторов. Чтобы зритель не заскучал в затянувшемся счастье героев, а напротив, переживал и страдал в зигзагах их судьбы. И вообще: беготня, погоня, крики, ссоры, недоразумения, несусветные несуразности, мордобой (причем сила и количество ударов обездвигили бы стадо буйволов, а парочке дерущихся двуногих — хоть бы хны!), преступники (нередко — благородные), полицейские (в том числе — мафиозные), пистолеты, выстрелы, убийства, катастрофы, несчастья, вампиры, говорящие человеческим языком животные, чудовища, драконы, динозавры и прочие экранные страсти-мордасти, — теперь в фильмах обязательны хотя бы пара-тройка из названных средств воздействия на зрителей, дабы не выпасть за борт кассовых сборов. В странах Запада уродовать во имя барышей психологию, мораль и мировосприятие масс дав-

но стало нормой. Да и в пространствах бывшего СССР переняли немало таких приёмов и приёмчиков. И каналы телевидения, коих стало великое множество, заполнены ходкой продукцией – своей и залетной, завозной, которой гораздо больше доморощенной. И уже выросли поколения, которые принимают уродующие штучки-дрючки с экранов за саму жизнь. И кое-что копируют в своих действиях и поведении. Что, спокойные разговоры, мирная жизнь, трудности созидания в любом деле и подобные реалии не интересуют зрителей? И такое кино убыточно? Так, может, тогда и вовсе не делать фильмов, если реалистические неликвидны, а высоко котируемые – уродуют человечество? Да, но как изъять из обращения мегатонны отрав, которые к настоящему времени, а именно – к концу 2014 года, разобраны благодаря цифровым технологиям и продолжают разбираться потребителями, хранятся и используются чуть ли не в каждом доме? Словом, нет этой вакханалии, этому шабашу ведьм ни конца, ни краю...

Накопившееся возмущение автора текущим положением культуры, или правильнее – *недокультуры*, скачущей под ручку с *антикультурой*, столь велико, что он, явив читателю своих героев, тут же оставил их и прыгнул вперед на 15 лет. И слил свой гнев на искусство, которое, по определению Ленина, *для нас* является важнейшим. А *для нас* – тем более. То есть формула вождя коммунистических идей и действий, которым без малого 100 лет, формула кумира, низвергнуто-

го четверть века назад, тем более верна в текущие времена, когда все стали *в-экран-смотрящими*, а *читающих* – почти не осталось (блоги, социальные сети, газеты, гляцевые журналы, новостные порталы – это не *чтение*, но потребление информации, времяпровождение, мода, а то и вовсе зависимость, сродни наркотической). Потому автор и не удержался. Зато теперь он с чувством снайпера, выполнившего одну из задач, стоящих перед ним, вернётся в август 1999-го, в автомобиль Дамас, катящий по главной улице города.

Только по пути возвращения автор добавит: нет вымысла – нет художественного произведения. Ни литературного, ни сценического, ни кинематографического. Но вымысел в отображении людей (не инопланетян, не зверей, не придуманных существ) – не только реалистическом, но под другими углами зрения, в том числе в ракурсе фантастическом, – вымысел при любом отображении людей должен, как минимум, не раздражать читателя и зрителя, но лучше, чтобы воображение автора (или авторов), его приемы, стиль и язык радовали и воодушевляли, помогали проникать глубже в содержание произведения, познавать его грани и особенности.

И ещё одна справка. Кое-кому она может оказаться полезной уже прямо сейчас, а со временем – станет для читателей просто необходимой. Теперь сотовые телефоны есть даже у школьников младших классов, не говоря уж о подростках. И они щелкают себя, друг друга и всё, что понравится, на цифровую камеру своих *соток*. И тут же видят запечат-

лённые изображения. Могут смотреть и на экране домашнего компьютера. А могут и запросто, за считанные минуты, получить распечатки в фотостудии или компьютерных услугах. И не знают подростки года 2014-го, что всего 15 лет назад фотодело было не цифровым, а плёночным, сложным, многоступенчатым, многодневным. Изображения на отснятой плёнке, а при печати – на фотобумаге, появлялись только при проявлении в специальных растворах: сначала бледные, а при дальнейшей выдержке становились четкими; плёнку или отпечаток нужно было вовремя вынуть из проявителя, иначе они темнели чересчур, вплоть до полной непригодности. Потом – выдерживание в закрепителе и так далее.

Вот и в нашем Дамасе, как на проявляемой в химикатах фотоплёнке, сейчас начнут возникать контуры, некогда запечатлённые в сознании сидящих рядом мужчины и женщины.

— Но это было очень давно, – закончил водитель свою мысль.

— Ровно 30 лет назад, – Ника сидела всё так же, повернувшись к нему настолько, насколько позволяли условия.

Лишь мгновение он промедлил с ответом, чтобы проверить в уме прошедший с тех пор отрезок времени:

— Точно! – и снова мельком взглянул на неё.

Ей было на вид не больше 30-ти. Брюнетка. Карие глаза. И не просто красивая, но и... Это «и» невольно сдвинуло его брови: «Очень похожа на Ширин! Поразительно!» – блесну-

ла мысль и заняла место в сознании.

— Силитесь вспомнить? — она опять прервала молчание, затянувшееся чуть больше допустимого в потоке разговора. — Не получается? Значит, вы меня не помните. Хотя и деликатно скрываете того. Впрочем, то, что вы не помните, — это нормально, естественно. Ведь вы были уже взрослым человеком. У вас были свои проблемы. И жена. Она была, как говорится, в интересном положении. И пионервожатой в нашем отряде. А вы — воспитателем. Мне же тогда было всего 10 лет. Вы врезались в мою детскую память. И, как теперь совершенно ясно, на всю жизнь. Ведь я вас узнала через три десятилетия! Не узнать — и нельзя! Вы — такой же! Интересный и обаятельный...

— Я краснею от смущения и тихой радости. Давненько не было такого... Вы прекрасно выглядите!

— Для своих лет?! Уже вычислили?! Впрочем, тут и вычислять нечего: два плюс два! Спасибо за комплимент!

— Не комплимент! В самом деле, вы очаровательны...

— Спасибо! На светофоре, пожалуйста, поверните направо. И первый поворот — налево.

Большой, тяжёлый чемодан он занес ей в квартиру на 3-этаже. От доплаты отказался:

— С Ташкента до Айдына вы были обычной пассажиркой. А потом — выяснилось, что вы *своя*. Со своих — не берем...

Рома остался в квартире с женщиной, открывшей им дверь. А Ника спустилась вниз проводить своего воспитате-

ля по тому лагерному лету, давнему, советскому, пионерскому.

— Кто эта строгая женщина?

— Моя мама.

— Да?! Сколько же ей лет? Она хорошо выглядит.

— Ей 58. А строгость у ней в характере. Да и работа всегда обязывала к тому: она была начальником отдела кадров на комбинате. Продолжает работать – не отпускают на пенсию: ценный специалист старой гвардии. Правда, она теперь не начальник. Но всё равно воз тащит в основном она...

— А отец?

— Он умер в 90-м. Инфаркт. Многие годы был начальником цеха. Производство, план, ответственность, планёрки, нагоняи *сверху*. К тому же не берёт себя, для поликлиник и врачей у него не было времени, никогда не бюллетенил, недомогания и болезни переживал на работе. Всё это и привело к тому, что однажды сердце не выдержало. Он был старше мамы на 12 лет.

— Как и я – вас... Я бы хотел встретиться с вами, посидеть, поговорить...

— Я-то женщина свободная, безмужняя. А вы?

— Я тоже холостой! – засмеялся он.

— Как и все моряки, когда они в плавании и заходят по курсу в порты?! – засмеялась и она, обнажив на миг два стройных ряда своих белых зубов. А потом проговорила рецитативом:

*Отчего так плакала японка?
Почему так весел был моряк?*

— Как?! Вы тоже знаете эту давнишнюю песню, как ска-
зали бы сейчас, кафешантанный шлягер!? – удивился он и
умело напел начало при каких-то малых долях полного го-
лоса:

*Чайхана красивая над морем,
С палисадником душистых роз,
Как-то раз с английской канонерки
Погулять зашел туда матрос...*

— Ох, теперь у вас баритон! Такой же завораживающий,
каким некогда был тенор!.. А дальше? Спойте хотя бы сле-
дующий куплет!

— Следующий куплет – при следующей нашей встрече!

— Да, но матрос, кажется, ушел от вопроса!..

— Я уже немало лет вдов, – он стал серьезным.

— Простите, Фаренгейт Аскольдович...

— Абсолютно не за что извиняться, Ника. Всё нормально.

Кстати, меня зовут совершенно по-другому...

— Как!? – в её восклицании было больше тревоги, чем
удивления: «А вдруг это не тот человек, за которого я его
принимаю!».

— Нет, нет, вы не ошиблись, — уловил он её сомнения.
— Тем летом я в порядке шуточного эксперимента дал себе такую *партийную кличку*. Ведь в советское время в пионерских лагерях почти не было детей из узбекских школ. В русских же школах даже небольших городов не менее 90 процентов учеников были не узбеками, а других национальностей: русские, татары, евреи, украинцы, корейцы, даже немцы. А промышленный Алмалык и вовсе был русским городом. У русских есть одна особенность: в узбекских именах, даже очень простых по написанию и звучанию, они хоть одну букву, или хотя бы ударение, да изменяют на свой лад. Я смолodu был противником такого пренебрежительного коверкания. Потому в шутку и назвал себя сложным псевдонимом. И ничего! Всё прошло без сучка, без задоринки! Фаренгейт Аскольдович! Иностранное, европейское — русские не искажают! И даже дети тут же запоминают!..

— А вы... простите, узбек, что ли?

— Конечно. За кого вы меня принимали?

— Не знаю даже. Как-то само собой подразумевалось, что вы — не узбек. Жена ваша — да, сразу было видно, что узбечка. А вы... Иностранец! — последнее слово заставило её рассмеяться. — И как же вас звать-величать на самом деле?

— Фарход Асхадович Пулатов.

— Вероника Захаровна Краснова, — ответила она, приняв протянутую к ней руку.

— Мои прежние претензии давно пересмотрены: вовсе

необязательно произносить моё имя, как оно записано в паспорте. *Фархад* – так в русской речи звучит и привычно, и убедительнее, и красивее.

В Узбекистане конца 1990-х годов сотовая связь и мобильные телефоны были ещё в новинку, имелись только у достаточно состоятельных и амбициозных людей. Для большинства остальной публики служили предметом удивления, зависти и вожделения. Фархад Пулатов не относился ни к первым, ни к последним. Но *сотка* у него была, чтобы при необходимости дети могли в любой момент позвонить ему. Правда, тогдашняя Nokia и нынешние Samsung-и – это примерно то же самое, как, скажем, механическая печатная машинка и современный ноутбук.

(Ох! Ну и автор нам попался! Шастает по временам, словно Фигаро по Севилье! И даже без машины времени обходится! Разрешим? Так, разве автор спрашивает нашего разрешения? Дело-то хозяйское. Пусть шастает, коли нужно, хочется и можется.)

Вероника позвонила на следующий день. Сам факт был значимым, важным, приятным для Фархада, а какие-то общие слова, сказанные в течение короткой связи, это просто подвернувшаяся под руку одежда для прикрытия сути. Следующая телефонная *минутка* состоялась через день. Потом ещё и ещё. Наконец, когда вновь, как и в первую встречу, настала суббота, она сказала, что вечером можно было бы и встретиться. Долгожданный *плюс* – а Фархад при каждом

звонке Ники говорил о свидании, но всякий раз её ответ сводился к *минусу*, – застал его на трассе в сторону Ташкента.

Он заехал домой, принял душ, приоделся подобающим образом (много ли отпущено мужчине: чистые брюки, сорочка, туфли), сказал детям, что у него приятельская встреча, вернётся поздно, и уехал.

Подъехал к её подъезду на 5 минут раньше договоренного срока. Но она сразу же и спустилась. Видимо, поджидала у окна. Пулатов не сомневался, что Ника, как и он, тоже будет принаряженной. Но женщина, которая приближалась к его машине, ввела его на мгновение в замешательство.

В лучах вечернего летнего солнца, пробивавшихся сквозь кроны чинар, она была ослепительна. Шикарное платье из бордового атласа с мелкорубленной фактурой и мягкими переливами облегло её стройное тело. Грудь закрытая, но плечи и руки оголенные. Талия подчеркнута широким поясом, представляющим собой ячеистое переплетение кожаных полосок черного цвета. Несколько выше колен юбка переходила в пышное плиссе. Черные волосы собраны в прическу руками профессионала. В мочках ушей – по глазку рубина в крошечной оправе золотых кружев. В левой руке черный кожаный клатч – изящная сумочка, пожалуй, вдвое больше ладони и без ручек, украшенная по кокетке шлифованными самоцветами красных и коричневых оттенков. Подобный набор камней, но меньших размеров, обвивал запястье той же руки по периметру золотой цепочки с довольно крупны-

ми звеньями. На безымянном пальце правой руки такое же кружево, как в ушах, но больше размером, и рубин крупнее. Ухоженные кисти рук, тонкие пальцы, дополнительно удлиненные аристократическими ногтями. Неброский макияж, но тонко подобранный, тщательный и выигрышный: брови, веки, ресницы, губы. Помада и маникюр – под цвет платья.

Впрочем, всех достоинств одеяния и облика несравненной женщины, лебедем плывущей в его сторону, Фархад никак не мог охватить разом. Их он рассмотрел позже. Сейчас же был общий восторг от явления этого чуда, этого шедевра, над созданием которого, кроме главного творца – Природы, потрудились многие искусства в сочетании с тонким вкусом. И было легкое головокружение от мгновенного, инстинктивного осознания: обращенная к нему улыбка этой богини очаровательнее всех деталей и аксессуаров её туалета, обворожительнее всех штрихов её великолепия.

В следующий миг Фархад *коротким замыканием* вывел себя из оцепенения, соскочил со своего места, резко обогнул спереди свою бирюзовую *буханку* (так в народе прозвали Дамас), бросился к двери и распахнул салон перед дамой.

— О, несравненная Дульсинея! Простите своего бедного Дон-Кихота! Как бы он хотел подать для вас золочёную карету, запряжённую цугом в двенадцать вороных! Увы! Большого, чем этот тарантас, в которую ваш верный рыцарь впряг своего Росинанта, у него нет!

— Дульсинея не считает, что первейшими достоинствами

человека являются блеск вещей и предметов, его окружающих...

— Но ваш кавалер осветит эту лачугу своей истинной заботой о вас, согреет своими искренними чувствами к вам, и вы почувствуете, поверите, что вас окружают стены императорского дворца!

— Дульсинея разрешает своему верному рыцарю помочь ей взойти в эту чудесную карету...

Да, это было необходимо: в первый раз, когда он вез её с Ташкента в Алмалык, она была в дорожной одежде, в джинсах, теперь же – вечерний наряд чуть ли не до земли, а днище *тарантаса* высоко и кузов без подножек.

Она взялась обеими руками за платье чуть ниже колен и приподняла подол: икры ног идеальной формы, обтянутые прозрачным черным капроном с малиновыми сердечками, да изящные бордовые туфли на высоких шпильках. Что это такое, умопомрачительные женские ножки? Такие, что увидишь – и теряешь дар речи. Безусловно, о них и упомянул Пушкин в «Евгении Онегине». Даже у него не нашлось слов, чтобы описать! Да и к чему слова, когда взрывом подступает ко всему твоему существу одно желание – обнять! Фархад едва сдержался. С внутренней дрожью – словно зеленый юноша! – легонько взял её сзади за талию и, предупредив:

— Осторожно, не ударьтесь головой! – посадил в *карету*. «Мис карвон» («Медный караван») был почти пуст: ещё было по-летнему рано, а вечерний ресторан – развлечение,

которое ассоциируется с сумерками и ночью. Но главная причина крылась в другом: в те годы людям было не до излишеств, основная часть населения плавала в проблемах выживания, другие – едва не тонули в растерянности после неожиданного развала СССР, остальные – ещё не научились делать деньги в изменившихся условиях, и молодая поросль *новых узбеков* ещё не подросла, не оперилась.

Они заняли столик впереди, возле окна, слева от эстрады. Сделали заказы. Повели разговор, поначалу, как это водится, почти банальный для постороннего наблюдателя, но им – интересный и приятный. Главное – они были вместе, рядом друг с другом, и это уже было замечательно.

— Здравствуйте! – раздался голос сбоку от Фархада, который явно обращался к нему.

— А, здравствуй! Ты тоже здесь! С друзьями?

— Я здесь работаю. В буфете.

— Да, я знаю. Но я как-то не думал, что ты работаешь именно в этом ресторане. Повезло нам! – последнюю фразу Фархад Асхадович произнес с легкой иронией.

— Из спиртного вы ничего не заказали. Что будете пить? Я угощаю...

— Нельзя! За рулем. Ещё нужно в Ташкент возвращаться.

— Может, вашей девушке что-то принести? Вино, шампанское, коньяк, ликер, коктейль?

— Девушка до вашего появления уже выразила полную солидарность со своим парнем, – проговорила Ника ему в

тон и тонко улыбнулась.

— И все-таки! – ответил тот и продолжил, обращаясь к Фархаду Асхадовичу: – Вы же можете у меня остаться...

— Спасибо! Но я ещё должен доставить *свою девушку*, – тут он сделал ударение интонацией, – до дому.

— Но если здесь, в Алмалыке, то я отвечаю!

— Спасибо, спасибо! Я все-таки буду сам отвечать и за себя, и за свою даму. Хорошей тебе работы!

— Настоячивый буфетчик! – шепнула Ника, когда тот отошел достаточно далеко. – Правда, за какие-то ваши заслуги пытавшийся угостить вас...

— Это мой сын, Фуркат! Тот самый, который 30 лет назад и был причиной интересного положения вашей пионервожатой.

— Вот как! Ну, если быть точным, то он был следствием, а причиной был кто-то другой, – она ласково улыбнулась, и её лицо приняло то самое выражение, с хитринкой, но не тревожащей, а манящей.

— Оу! С вами надо ухо держать востро! Впрочем, мне это нравится! В смысле – тоже! Как и всё остальное в вас!..

— Мне тоже с вами легко, приятно и радостно!

Фархад взглянул в её глаза и оставался в них чуть дольше тех мгновений, которые он, зная пронизывающее действие своего взгляда, позволял себе обычно, с другими людьми. Да, между этими двумя парами глаз, между этим мужчиной и этой женщиной, между их сердцами была связь. Было

взаимное притяжение, ничем не отягощенное, вольное, как степной ветер. Одно из самых прекрасных явлений во взаимоотношениях представителей двух половин человечества.

— Ваш сын живет в Алмалыке?

— Здесь он снимает квартиру. А постоянное жильё в Ахангаране, с матерью.

— Вашей?

— Своей.

— Но вы же говорили...

— Я был женат дважды, — пояснил он, не дав ей закончить мысль.

— И по какой из жён вы вдовец? — вновь та же улыбка, хитроватая и ласкающая.

— По второй, конечно. По первой я — покойник.

— То есть она по вам — вдова? — вновь искорки в её глазах.

— По мне — да. И, видимо, точно так же — по другим: она ещё трижды побывала замужем.

— То есть в настоящее время она опять свободная женщина?

— Да. Опять, так сказать, *соломенная вдова*. Пока всего лишь в четвертый раз! Эх, раз! Ещё раз!..

— Я её помню. Красавицей не назовешь, но довольно симпатичная...

— Была! Но уже давно имеет вид лупоглазой коротышки-колобка. Весьма упитанна! Даже чересчур!

— Вы и в пионерлагере, когда она была нормальной ком-

плекции (не считая её интересного положения) не смотрелись замечательной парой. Как же вы женились-то на ней?

— Вы же сами назвали её довольно симпатичной. В смысле, 30 лет назад. Но не это главное. А суть в том, что она обладает таким свойством своей натуры, что *как бы гипнотизирует* человека. *Как бы гипноз* выражается не в том, что очаровывает или околдовывает. А в том, что она ведет себя с мужчиной настолько доверительно, что он и сам не замечает, как попадает в положение, когда просто-напросто неловко отвернуться от женщины или отстранить её. Ну, примерно то же самое, когда старушка просит на оживленном перекрёстке перевести её на другую сторону улицы.

— Конечно, в такой просьбе не будет отказу. Но, зная, не случайно *старушечка* в первый раз выбрала вас, — улыбнулась Ника.

— Я, конечно, чувствовал это. Но отказать не смог. Ещё и потому, что отношения с ней — первые в моей жизни на серьезном уровне. Но самой существенной причиной, пожалуй, было то, что на том самом *оживленном перекрёстке* я переживал кризис одиночества и драму сомнений в правильности выбора своей профессии. И *старушечка* оказалась соломинкой для утопающего. Впрочем, о моей *первушке* я говорю по своим ощущениям, анализу, выводам. Быть может, у последующих её мужей было по-другому. Я не имел чести ни быть знакомым с ними, ни даже видеть их... Ах, да! Поправка! Действительно, с ними было иначе. Насколько мне

известно по каким-то случайным сведениям, не они оставляли её, но очередного *проводника* через дорогу отваживала она...

— А вы?..

— Около пяти лет уходила жена в мир иной, теряя на каждом круге и в здоровье, и в других данностях человеческой и женской сущности. Как ушла – уже более 8 лет...

— Вы меня понимаете даже не с полуслова и даже не с четверти, а с одного местоимения! Именно об этом я и спрашивала. И с тех пор вы один?

— Нет! Были ещё три попытки...

— Да вы не Дон-Кихот, а Дон-Жуан! – засмеялась она своим прекрасным смехом, негромким, ярким, освещающим.

— Нет, Ника, не так! – улыбнулся он, и в его глазах она увидела затаенную печаль.

— Не Дон-Кихот – да! – продолжил он. – Теперь, когда мне уже за 50, не Дон-Кихот. В том смысле, что если и не полностью, но в основном преодолел восторженное ротозейство Рыцаря Печального Образа. Донкихотство – в прошлом, в юности, молодости. И слава Богу! Потому что в наше время, когда так называемая социалистическая экономика рухнула с позором, когда так называемый социалистический лагерь развалился с треском, когда обломки Державы, бывшей совсем, казалось бы, недавно великой, поплыли в мутных водах так называемых рыночных отношений, когда Планета стоит на пороге нового тысячелетия, быть ротозе-

ем, пусть даже возвышенным, никоим образом не годится. Но я – и никак не Дон-Жуан! Повзрослевший байроновский герой – соблазнитель, совратитель, секс-спортсмен. Он своим пассиям, если и предлагает сердце, то понарошку, в качестве приманки. Но руку – нет! Держит свободной! Чтобы завладеть очередной жертвой. Я же, если можно так выразиться, болен синдромом ответственности перед женщиной, которая мне нравится, к которой меня тянет.

— Значит, я могу надеяться? – засмеялась она. – У меня есть шансы? Я могу выбросить из головы образ разбитого корыта?

— Я отвечу. И прошу мой ответ не считать шуткой или игрой. Вы мне очень нравитесь. Причем это не та влюбчивость, которая в юности и молодости могла дать вспышку в сторону чуть ли не каждой смазливой девушки. Нет, нет, и ныне сердце моё не молчит. Оно в радостном, волнительном, томительном смятении. Но, кроме того, я каким-то шестым чувством понимаю, что вы – особенная. И страшновато: удостоюсь ли вашей благосклонности?

— Я привязалась к вам ещё 30 лет назад. И во всей последующей жизни думала о вас.

Он замер. Потом улыбнулся. Теперь она увидела в глубине его глаз боль.

— Вам жаль?

— Да... Это сложно... И рассказывать долго. Книги можно написать. На исходе пятого года жизни с первой женой

я окончательно убедился, что глубоко несчастен с ней. Это совпало с нашим переездом из Москвы в Ташкент. И ещё с одним событием – появлением на моем небосклоне ярчайшей звезды, женщины чрезвычайно обаятельной, красивой и с неудачностью личной жизни, похожей на мою.

— Она – ваша вторая жена?

— Да... Она меня поразила с первого взгляда. После первой встречи мы с ней не виделись три месяца. Потом так повелось, что виделись каждый день, на людях. И понесло меня в буре восторга и упоения. Это была та самая любовь, которую жаждал с детства. Но в первые 7-8 месяцев я страшно сомневался – до судорог в сердце, ужасно колебался – до спазмов в голове. Это было глубоко драматично... Едва ли не смертельно... Очень долго и тяжело уходил из семьи, от детей... Четыре года... Только потом любимая женщина посмотрела на меня благосклонно. Последнюю треть нашего недолгого супружества – всего 14 лет! – она угасала от букета болезней.

— И вы её любите до сих пор? И потому не ужились ни с одной из последующих трёх жён?

— Ну, это были не совсем жёны, но кандидатки. А Ширин, жену, да, люблю.

— И я её люблю за то, что вы её любите.

Он опять замер. В его глазах она увидела ещё бóльшую волну боли.

— Вы – необыкновенная. Другим женщинам я никогда

не признавался вот так в открытую, что продолжаю любить. Вернее, они не давали мне объяснить, что сердце – огромно, что пределы, занятые в нем покойной женой, вечны, но что есть другое пространство, свободное, в которое непременно должна войти другая женщина. Они опережали меня. Одна начинала мрачнеть, ревновать, злиться. Пятая – чуть ли не фыркала от неудовольствия. Десятая – упрекала: мол, что же ты делаешь возле меня, коли так любишь свою жену. Потому я и говорю сейчас, что вы, быть может, единственная на всём свете такая добрая, понимающая, сопереживающая.

— Отчего же вам сейчас так больно?

— Я отвечу так же открыто, как в нынешний вечер до сих пор получалось у меня. Хотя это опять-таки сложно. К тому же придётся потревожить душу усопшей жены. Это – нехорошо. Но вранье или недоговаривание – сейчас ещё хуже. Ширин имела потрясающую внешность. Она была не просто красавицей, но внешне неотразимой для любого мужчины. Как и вы, Ника... Внутри же Ширин была обыкновенной, рядовой женщиной. Вы – великая и в себе. Оттого мне и больно, что у Ширин ум, сердце и душа были не с вашего редчайшего ряда.

Карие, почти черные глаза Вероники светились пониманием, благодарностью, счастьем.

— Я не всегда была такой, какую вы сейчас просвечиваете своими пронзительными глазами и интуицией. И мне нужно было познать болото разочарований, одолеть горы труд-

ностей, не утонуть в море страданий.

— И судьба свела нас именно тогда, когда мы оба созрели для этой великой встречи.

Она положила свою руку на его пясть. Он внутренне вздрогнул, хотя внешне и не подал виду. Она почувствовала его импульс, тоже смутилась, но, сделав вид, что ничего и не было, убрала руку.

Они и не заметили, что уже давно не отводят взглядов в сторону, обмениваясь лишь короткими контактами, но смотрят друг другу в глаза — неотрывно, легко, просто, искренне, радостно, как в жизни могут лишь малые дети, а влюбленные мужчина и женщина — только в фильмах.

— У вас есть какие-либо воспоминания о пионерском лагере 30-летней давности? — спросила Ника.

— Много воспоминаний. В столовую отряд надо было водить строем, и дети в дороге должны были хором выкрикивать речёвки. Озеро, в котором было полно рыбы. Моя рыбалка: я с детства большой любитель ужения. Соревнование между отрядами на приготовление лучшей ухи из рыбы, которую сами же должны были словить. Благодаря моим навыкам в этих делах, наш отряд занял какое-то призовое место. Чуть ли не на каждом рассвете я просиживал с удочкой на озере. Собственно, просиживать и не было возможности: клёв был бешеный! Вялил пойманную рыбу, вывешивая для сушки в подсобке нашего павильона. Однажды обнаружил, что мои запасы заметно поубавились. Принялся выяснять.

Оказалось, что дело рук одного из мальчишек нашего отряда по имени Армен. Когда же я взял его в оборот своими попреками и воспитательными разъяснениями, он на все мои попытки утверждал одно и то же: «Я хвосты не ел. Хвосты не ел». Ага! А как же ты посмел есть остальное?! То, что не твое?! Без разрешения?! А он опять: «Я хвосты не ел».

— Я это помню! – засмеялась Ника.

— Много и других зарубок в памяти. Смотр художественной самодеятельности. Каждый отряд должен был подготовить один-два номера. Я, не мудрствуя лукаво, сколотил небольшой хор, выучил его популярной песне «Гренада» и сам тоже выступил на сцене в качестве хориста и солиста.

— Это я помню лучше всего! – захлопала в ладоши Ника. – Как сейчас, помню ваше соло. Первое. Хор поет: *И мертвые губы шепнули: «Грена...»* И вы продолжаете один, чистым и печальным тенором:

*Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель.
И песню унес.
С тех пор не слыхали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»*

— А второе ваше соло — в самом конце, когда вы заканчиваете вторую половину последнего куплета:

*Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!*

— О, какая у вас память! — восхитился Фархад.

— Просто это песня потом всю жизнь сопровождала меня. Кстати, а вы знаете, что Михаил Светлов написал «Гренаду» в 1926 году?

— Да?! Даже не подозревал об этом! В моем сознании с того самого пионерского лета в Пскенте как само собой разумеющееся сидело понимание: автор сделал синтез двух гражданских войн — нашей и испанской!

— Как это ни удивительно — *танцевал* только от нашей. Тогда в огромных пределах страны, раньше называвшейся Российской империей, лишь недавно отгремели сражения красных против белых и иностранных интервентов. Хотя, если быть более точным, то не везде. Скажем, в Средней Азии басмачество не мирилось с властью большевиков до 30-х годов. Отдельные столкновения частей НКВД с партизанами-басмачами не прекращались даже с началом Великой Отечественной против гитлеровской агрессии. А в 1926 году, когда Светлов создал стихотворение, очень скоро став-

шим знаменитым на все последующие времена, до гражданской войны на Пиренеях ещё было 10 лет. И вряд ли тогда 23-летний автор был в курсе положения дел в Испании. Скорее всего, наитие поэта, вызванное увиденной им вывеской гостиницы «Гренада» на Тверской улице в Москве. Недаром большие поэты и вообще художественно одаренные личности были пророками – судьбы своей и судеб Отечества: Пушкин, Лермонтов, Блок, Цой, Тальков...

— А в мою память, – вернулся Пулатов в общее с Вероникой прошлое, – навсегда врезалось ещё одно: когда я закончил песню, как вы сказали, чистым и печальным тенором, то девочка-зритель, сидевшая в первом ряду с моей женой, то есть со своей пионервожатой, вскочила, издала какое-то восклицание и радостно захлопала.

— Это была я!

Тут уж он положил свою руку на пясть своей дамы. Она осторожно повернула ладонь кверху. Их руки – его левая и её правая, – соединились. И они, замечая это, и в то же время как бы не замечая, потом так и сидели.

Счастливые часов совсем не знают. Но они ещё и к еде не притрагиваются. Даже в ресторане, где есть просто-напросто положено *по умолчанию*. Но Фархаду и Нике – не до еды. Некогда. Невозможно оторваться друг от друга в разговорах. Да и не помнится совсем о еде! И не хочется!

— А на том смотре наш отряд занял что-нибудь из передних мест? – спросила Ника. – Вот этого я не помню...

— Среди воспитателей была одна пожилая учительница. Это я тогда, в свои неполные 22, воспринимал её пожилой. Сейчас-то я понимаю, что ей было лет 40-45... Простите, это не к вам! Вы-то выглядите не старше 30-ти! К тому же общественное сознание в те годы было другое: 40 лет – это уже считалось возрастом. И люди чувствовали и держали себя соответственно. Так вот, та руководительница отряда старших детей держалась очень солидно, и на педсоветах её высказывания были авторитетными. Она и сказала после смотра художественной самодеятельности: «Вам за выступление – первое место. Но смотр – мероприятие для детей. Потому вашему отряду не будет никакого места». Кстати, не помню ни имени, ни отчества, ни фамилии этой *авторитетши*. А вот директора пионерлагеря, скромного, спокойного мужчину лет сорока, назову достоверно: Усов Владимир Петрович.

— А кто-то недавно обещал мне при нашей встрече спеть, – сказала Ника лукаво.

— Что, прямо сейчас?

— Да. И, желательно, со сцены, в микрофон.

— Вы серьезно?

— Разве мой верный рыцарь не может выполнить маленькой просьбы своей Беатриче?

— Дульсинеи.

— Нет, мне больше хочется быть для вас *Беатричей*! – засмеялась она тому, что просклоняла несклоняемое имя.

— Беатриче, в самом деле, покруче Дульсинеи. Как и Дан-

те – Сервантеса.

— Так, Беатриче ждет песни во всеуслышанье и под музыку.

Во время их *незнания часов* около половины зала заполнилось посетителями, дважды гостей с промежуточным антрактом занимал вокально-инструментальный квартет, воздух заметно сгустился от сигаретного дыма, были и танцующие. Но вся эта ресторанный привычность проплыла мимо Ники и Фархада. Если они и замечали что-то, так это грохот усилителей музыки, мешавший разговору.

Пулатов пристально посмотрел в сторону буфета в дальнем углу зала. И когда ему показалось, что сын обратил на это внимание, призывно махнул ему рукой. Тот подошел. Глаза его стали заметно масляно-осоловевшими.

— Моя дама изъявила желание, чтобы я спел для неё с эстрады. Ты можешь об этом сказать руководителю ансамбля и устроить моё выступление? – спросил отец. – Если надо, я заплачу.

— О чем вы говорите! – ответил сын, и его голос был теперь не таким твердым, как прежде, но с петушиными оттенками. – Как я скажу ему, так и будет! Платить – не надо! Но если я скажу – вам заплатят!

И отправился к эстраде не очень твердой походкой.

— Беатриче готова пожалеть о своем капризе, – она протянула к нему обе руки.

— Всё нормально! – приподнялся он со своего места, при-

няв её руки в свои. Поцеловал одну, другую и направился к возвышающейся сцене.

Тихонько познакомил музыкантов с мелодией. Вступление, которое он пропел Нике неделю назад, при расставании возле Дамаса, прошло при попытках гитариста, пианистки и ударника войти в музыку песни. Но уже второй куплет Фархад пел в инструментальном сопровождении:

*Там в углу красивая японка,
Она пела песни о любви...*

По окончании его выступления зал не очень шумно, не очень дружно, но зааплодировал. Фархад слегка кивнул головой и сказал в микрофон:

— Песня исполнялась и посвящается моей Прекрасной Даме.

И под дополнительные аплодисменты направился к своему столику.

Спустя некоторое время к ним опять подошел Фуркат:

— Вы, дада, оказывается, классно поете! Музыканты спрашивают: откуда они? Я говорю: с Москвы! И наш солист просит, если можно, чтобы вы написали ему слова вашей песни.

— Прямо сейчас, что ли? – спросил отец и посмотрел на Нику.

— Принесите бумагу и ручку, и мы напишем, – сказала

она, опять-таки правильно поняв взгляд своего рыцаря.

— И ещё одна просьба, – продолжила она. – Как можете видеть, мы совсем не притрагивались ни к еде, ни к напиткам. Попросите, пожалуйста, нашего официанта – ведь вы здесь, сразу видно, влиятельное лицо! – уложить наш стол в два пакета. И ваш отец довезет дары вашего ресторана вашему брату и сестре, а я – своему сыну. Кстати, уже за всё заплачено...

— Шесть секунд! Всё будет сделано по VIP-разряду! – ответил Фуркат, весьма польщённый комплиментом в свой адрес от этой сногшибательной женщины.

— Я, признаться, сейчас почувствовала, что голодна, – улыбнулась Ника, когда Пулатов-младший удалился. – Но утолять эту физиологическую потребность здесь никак не стоит: всё остыло, но главное – не хочу, чтобы в нашем с вами вечере было что-то ещё, кроме общения нашей памяти, наших сердец и душ.

Официант, молодой человек, русский, светловолосый и голубоглазый, аккуратно расфасовал всё по пластмассовым контейнерам, потом сложил их в два пакета и проводил с ними до машины эту пару взрослых людей, внушительно солидных, поразительно красивых и совершенно необычных.

Телефонная связь их свела снова.

Ника вышла в футболке с короткими рукавами и юбке. Футболка синего цвета с белым воротником. Две верхние пуговицы из трех были расстегнуты, что создавало своеобразный разрез, чуть-чуть открывающий начало *каньона* между двумя *холмами*, ясно обозначенными под тканью. Расклешенная юбка-гофре из плотного белого полотна до колен не доходила, а в талии была на лакированном ремне темно-голубого цвета. На плече – из такого же кожаменителя сумочка, свисавшая до бедра. На голове белая соломенная шляпка с низким верхом и маленькими полями. Волосы на затылке перехвачены декорированной резинкой: черные, густые, здоровые, блестящие, доходившие почти до поясницы. Сандалии с комбинированными ремешками, белыми и голубыми. Прекрасные ногти на руках и ногах сочетались цветом с верхней частью одеяния.

Ах, ножки, ножки! Вот они, от которых теряешь дар речи! Очаровательны и в любой обуви, и босиком! Да, сейчас Ника в широкой юбке, но ведь в самый первый раз она была в джинсах, а взгляд Фархада – как объектив цифровой фотокамеры: нажатие кнопочки – и всё остается в памяти. В которой мгновенно и произошёл подсознательный монтаж прежних и теперешних кадров.

— Вы восхитительны! — прошептал Фархад, поцеловав её руку. — Наверно, примерно такой была Тоня Туманова, которая некогда пленила Павку Корчагина. И меня — тоже: не помню только, в каком это было классе, то есть когда мы проходили «Как закалялась сталь» Николая Островского, в седьмом или восьмом. Но Тоне Тумановой до вас далеко. Вы — несравненны.

Она улыбнулась своей манящей улыбкой и сказала:

— В советской школе Узбекистана советского Островского проходили в 9 классе. А мне сегодня можно и хочется сидеть с вами за одной *партой*, рядом.

Коли Пушкину не хватило отпущенного веку, чтобы описать очаровательные ножки (37 — по нынешним меркам, ещё молодой человек), коли и в последующие времена этим никто всерьёз не озаботился, то наш автор возьмётся за вербализацию того, что мелькнуло в сознании и подсознании своего героя. Говоря школьным языком, перескажет своими словами.

Только он заранее просит девушек, чем-либо отличающихся по своим внешним данным от его героини, не переживать, не комплексовать, а любить себя такой, какие они есть. Ведь известно: некрасивых представительниц прекрасного пола — заметьте, прекрасного! — просто-напросто нет. Сомневаетесь? Совершенно напрасно: автор может так расписать внешность любой из вас, что с ней будет рад познакомиться самый взыскательный из мужчин.

Итак... Но, простите, ещё одно уточнение. Визуально наиболее броски особы прекрасной половины человечества, имеющие от природы видный рост. У нашей героини – где-то 170 см. Может, чуть больше, на миллиметров 10. Но 160-165 (средний женский рост) – тоже эффектно, тем более на каблуках. Больше 180-ти – это уже баскетболистки. Пространство спортплощадки между двумя щитами с корзинами без них не обходится. А невысокие девушки... В юности автору посчастливилось быть знакомым с очаровательной милашкой, в которой было не многим больше двух аршинов. Так что, снова и снова: люби себя, моя хорошая, такой, какая ты есть...

Итак, ноги в целом длинные, прямые, гармонирующие с туловищем, плотные и упругие, но без выпирающих мускулов. Кожа – шелковистая (значит, и всё тело такое). Икры не худые, не толстые, не бутылки, не колбаски. А представляют собой нечто неопишное, словно тщательно вылепленное руками скульптора, талантливого и чувственного, которому между коленным и голеностопным сгибами удалось уместить океан пленительности. Бедро не короче голени, но лучше, чтобы чуть-чуть длиннее. Колени круглые. Начало бедра, сразу выше колена, – достаточно в *теле*, но в такой чудесной мере, что к нескольким сантиметрам, если они остаются юбкой открытыми, невозможно привыкнуть, – завораживают, хоть изо дня в день мечи и ласкай глазами.

Верхний размер бедра по окружности больше нижнего

чуть более полутора раз (в два раза – это уже перебор, как считает автор, хотя немало и таких *ценителей*, кто предпочитает, чтобы было *с верхом*). Причем *скульптор* и тут не пожалел таланта, труда и вдохновения: визуально переходы снизу вверх явно заметны вначале, но не доходя до середины происходит замедление; во второй половине нарастание размеров по окружности становится плавным, и эта часть бедра воспринимается так, словно она почти не меняется, а всего лишь слегка стиснута с боков. Такая конструкция придает ногам и всей фигуре ещё больше стройности и привлекательности. И когда взор, упиваясь эстетическим наслаждением, добирается, наконец, от колен до верху (увы, русский язык почему-то не стал давать этой части тела другое обозначение, отличное от слова *бедра*), то с ещё большим восторгом обнаруживает, что *бёдра* отнюдь не узки, не широки чересчур, но аппетитны, как горка спелой крупноплодной темно-бордовой черешни, только что снятой с дерева, отделенной от плодоножек, промытой и уложенной на блюдечке. Такие ноги и фигура – это высочайший дар Природы, который нужно беречь и можно сохранять многие лета.

Заметим попутно: у большинства остальных женщин бедро устроено несколько иначе, проще, в некотором приближении представляет собой перевернутый усеченный конус. Это тоже неплохо. Особенно если в пределах эстетичности, которые, впрочем, весьма размыты: глаза любящего мужчины видят одно, постороннего – не всегда то же самое, чаще

всего – по-другому...

— Вы не возражаете, – продолжила Ника, когда они устроились в Дамасе, – если мы поедem к моей подруге-однокурснице?

— Конечно, нет. Как скажете.

Валентина работала на заводе лаборанткой и жила в своем доме, на земле. Примечательным было то, что с улицы через калитку двухстворчатых деревянных ворот сначала попадаешь в довольно широкий и длинный коридор, образованный заборами соседних дворов. В конце этого замкнутого пространства имелаcь дверь в поперечной стене, которая и открывалась непосредственно во владения подруги Вероники. Огороженный пустырь был вроде *предбанника*, бесплатным дополнением (чуть позже Фархад загнал сюда свой Дамас), которое по площади, пожалуй, немного превышало сам дворик. Дом тоже был маленьким, низеньким, из двух смежных комнат и с пристройкой с отдельным входом со двора: кухня и за перегородкой – ванна. Земельный участок имел три деревца, до того чахлах и неприметных, что определить однозначно их названия было невозможно, да кустики садовых цветов, тоже бедствующих, которые только опытный глаз мог отнести к хризантемам. Прозябание зеленого *друга* – показатель отсутствия должного ухода, своевременного полива, а также близости к химическому заводу, чье дыхание, ощущавшееся на много километров вокруг, было отнюдь не таким чистым и свежим, как поцелуй ребенка.

Валентина во многом являла собой противоположность своей бывшей однокласснице: блондинка, среднего роста; как пишут в брачных объявлениях, приятной полноты; глаза васильковые; рот маленький, губы тонкие; короткие волосы в химической завивке. Жила одна. Родители умерли. Детей не завела. Проверялись: в пустоцветах оказался муж. На лечение махнул рукой: всё равно не исправишь! А как лишился работы в связи с развалом своего треста, последовавшего вслед распаду Союза, он, рабочий-строитель, перебивался случайными заработками, пристрастился к спиртному, а потом и вовсе пропал. Нет, не умер, примкнул к бомжам: пару раз его видели в этой компании на ташкентском базаре на Куйлюке, разгружавшей машину с овощами.

Впрочем, по мужьям, вернее, по их отсутствию, между подругами имеется и кое-какое сходство. Они даже работали в одной бригаде: Валин – монтажник, Никин – сварщик. Сварной, как между рабочими зовется этот специалист, в первой же волне исхода русских из Республики Узбекистан увез жену и маленького сына в Россию. Но в начале 1990-х тамошняя ситуация была не лучше узбекистанской: промышленное и гражданское строительство от государства переживало стагнацию, а негосударственное и частное ещё пребывало в зародыше. В коммерческих же делах он, в отличие от жены, не сумел себя найти. Опять-таки алкоголь – вечный спотыкач для русского человека, где бы он ни родился, где бы ни вырос. Обманчивый и мнимый спаситель при невзго-

дах. А на деле – пагуба. К тому же связь с женщинами, так же идущими ко дну жизни. И однажды Вероника, жалевшая в нём человека и родителя своего Ромы, не раз прощавшая ему загулы и похождения, – однажды она вконец осознала, что лучше быть одной и самой растить сына. К тому времени она уже была офисным менеджером. А начинала в Екатеринбурге продавцом с лотка. Она, имевшая после окончания Ташкентского пединститута 10 лет работы в Алмалыке учительницей русского языка и литературы. И вот Вероника Захаровна Краснова, заместитель гендиректора компании по работе с оптовыми покупателями, в очередном отпуске, на Родине, в Узбекистане, у мамы. И Фархад Асхадович вдруг, совершенно неожиданно-негаданно, вернулся в её жизнь. И не в давних и наивных мечтах девчушки, но в текущих реалиях взрослой женщины. В которой, впрочем, если имелся бы прибор по высвечиванию внутреннего мира, можно было бы увидеть душу той самой девочки пионерского лета 30-летней давности.

Валя усадила гостей за круглый стол образца 50-х годов, массивный и тяжелый. Улучив момент, зашла за спину мужчины и сделала подруге знак в сторону двери.

— Я поставлю чайник, – сказала хозяйка и направилась к выходу.

— А я помогу, если что надо принести, – поднялась Ника и улыбнулась Фархаду Асхадовичу. – Мы мигом...

— Знаешь, случилось непредвиденное, – начала Валя на

кухне. — Меня вызвали в вечернюю смену вместо заболевшей Наташи. Через полчаса я должна уходить.

— Как?! — в восклицании Ники были и удивление, и разочарование, и тревога. — Каким образом?! Прислали кого-то? У тебя же нет телефона.

— У нас же пейджеры! Ещё с прошлого года! Сообщения посылают... Ну, ты чего испугалась-то?

— Чего мне пугаться! Просто неловко. Придется извиниться. Он, конечно, поймёт. И всё-таки...

— Что всё-таки?! Что, гоню я вас, что ли?! Просто предупреждаю, что я уйду через полчаса. А вы здесь будьте, сколько хотите. Уйдёте до моего возвращения, так я оставлю ключи: закроете двери и спрячете, где покажу. А хотите — до утра оставайтесь. Меня-то дежурная машина завезёт после смены, за полночь. И вам не помешаю: вы устройтесь в спальне, а я переночую в гостиной, на диване...

— Ты нас уже поженила?! — засмеялась Ника своим обычным смехом, придя в себя после первого замешательства.

— Зачем?! — в тон ей ответила подруга. — При чём тут я?! Сами всё и обделаете! Времени предостаточно!

— Ну, что ты прямо! Я... Я... Не готова!

— Что, готовность дома позабыла? Так, у вас хватит времени три раза съездить за готовностью, куда надо! Машина-то — под вами!

— Да я вообще не готова оставаться с ним с глазу на глаз на отшибе!

— Что, сомневаешься?! Или хочешь поломаться? А кто мне давеча все уши прожужжал про Фархада Асхадовича! «Ах, какой он умный! Ах, какой прекрасный! Какой желанный!» Так это оттуда, — Валя ткнула пальцем в потолок, — всё устроили таким образом, чтобы вы не тянули резину, как дети, а оказались в объятиях друг у друга! Да если бы у меня появился такой человек, как твой Фархад, я бы с ним, не задумываясь, хоть в омут, хоть на край земли! Всё от Бога!

— А может, в данном случае чёрт приложил свою руку?

— Ну, какая тебе разница, от кого твоё счастье?! В конце концов, не было бы чёрта, так Адам и Ева до сей поры ходили бы манекенами в райском саду! И не было бы сейчас ничего — ни тебя, ни меня, ни твоего ненаглядного, ни этого домика, ни завода, ни смены, ни Алмалыка!

— Как ты не понимаешь?! Он, я надеюсь, тоже будет рад остаться наедине. И не скажет, но подумает, что я специально всё устроила, заранее знала, что ты уйдешь на работу, а неожиданность твоего вызова на смену сочтет нашей договоренностью, женской солидарностью и хитростью...

— Ну, хочешь, я ему сообщение покажу? Оно ещё сидит в пейджере...

— Это тоже не годится: и смешно, и глупо...

— Вот и я говорю: самое правильное — плыть по течению, а не бултыхаться против!

— Есть ещё одно. Ты посмотри, как я одета! Всё туда же! Специально! Чтобы соблазнить!

— Конфетка! Гордиться надо! Мне бы такую фигуру! Такое лицо! Такие ножки! Хотела бы я заглянуть в его глаза, когда они увидят тебя совсем без одежды!

— Валя!..

— Уже, увы, сорок лет как Валя! И тебе, кажись, не меньше! Хоть и выглядишь лет на 15 младше! Время – не ждёт! Не теряйте его даром! И вообще! Заболтались мы тут с тобой! Это разве хорошо оставлять одного человека, впервые пришедшего в дом!

— Фархад Асхадович! – начала Ника, когда они вернулись в гостиную. – Случилось непредвиденное: Валю неожиданно вызвали на внеочередную смену. И она уходит через полчаса.

— Уже не через полчаса, а 15 минут, – уточнила хозяйка.

— И поэтому мы обе извиняемся перед вами. И нам, к сожалению, тоже надо уходить. Мы с Валеёй договорились, что соберемся у неё в другой раз...

— Она... Она, – перебила Валя подругу. – Она немного не так говорит. Я чётко сказала, что вы можете оставаться здесь хоть до утра. А Ника надумала, что так, мол, неудобно. Что Фархад Асхадович, мол, подумает, что мы намеренно всё так устроили...

— Я так – не подумаю! – решительно сказал мужчина. – Потому что, раз пошли такие толки, то честно признаюсь: это я позвонил Валиному начальнику и попросил вызвать её на работу.

Женщины замерли в недоумении и растерянности.

— Вы знаете нашего начальника? — пролепетала, наконец, Валентина. — Знаете его фамилию? Или вы с ним друзья?

— Конечно! Закадычные друзья! Знаю полное ФИО: Махарашвили Арчил Вахтангович!

— Подождите, подождите! — опомнилась Ника. — Как вы могли позвонить Арчилу Вартановичу или как там его... Вагановичу, если ещё не прошло и часа, как вы услышали, что мы поедем к Вале?!

— Да, да! — подхватила та. — Тем более что и я впервые узнала, что наш начальник только прикидывался, что его фамилия Курбанов, а на самом деле, оказывается, совсем другая, грузинская, Махарашвили!

И — тишина! Взорванная через несколько мгновений дружным смехом...

Валя прошла к комоду, чтобы достать чашки и тарелки, используемые только по большим праздникам. И за спиной мужчины показала подруге большой палец, энергично и с мимикой, не терпящей возражений.

Пили чай с клубничным вареньем и бубликами. Сидели не на противоположных концах диаметра круглого стола, а на двух углах вписанного неправильного треугольника: так ближе друг к другу. Видимо, потому и пустой Валин стул не убрали в сторону. Молчали. Временами встречались глазами и улыбались. Молчали легко и даже с удовольствием. Потому что были рады, что остались одни. Фархад чувствовал радость не только в себе, но и в сердце Ники. То же происходило и с ней. Океаны их внутреннего мира будто соединились посредством канала, прорытого между ними по чьей-то воле, наверно, неземной. Вот и молчали языки, не договариваясь, потому что беззвучно разговаривали сердца и души. Не требовалось и не хотелось вносить никаких звуков в своё безмолвное счастье.

Он сдвинул свой стул, и они оказались совсем близко. Потянул к её руке свою ближайшую руку, правую. Встречным движением она почти неосознанно, интуитивно, повернула ладонью вверх свою левую кисть, лежавшую на столе. И они вновь, как в ресторане, соединились в легком пожатии. Его ладонь мягко, едва касаясь, пошла вверх по её руке, дошла до плеча и так же осторожно вернулась обратно.

— Я совершенно не думала, что мы останемся одни, — сказала она. — И совсем не готовилась к этому. Если бы знала,

то и оделась бы по-другому. Вы не подумайте...

— Нет, я непременно подумаю! – пошутил он, и они негромко рассмеялись.

Опять помолчали, улыбаясь и глядя друг в друга ласковыми, любящими, счастливыми глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.